

Сигал К. Я. Роль установки в синтаксисе художественной речи (на материале сатирической пьесы-миниаютуры В. Ардова «Вот что наделали справки твои ...») / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 175—191. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-175-191.

Seagal, K. Ya. (2020). The Role of the Attitude in the Syntax of Artistic Speech (based on the Material of the Satirical Miniature play by V. Ardivo "This is What Your References Did ...»). *Nauchnyi dialog, 1*: 175-191. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-175-191. (In Russ.).

УДК 81'23+81'38:82-7+81'367.335.2+821.161.1Ардов.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-175-191

РОЛЬ УСТАНОВКИ В СИНТАКСИСЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ САТИРИЧЕСКОЙ ПЬЕСЫ-МИНИАЮТЫРЫ В. АРДОВА «ВОТ ЧТО НАДЕЛАЛИ СПРАВКИ ТВОИ ...»)

© Сигал Кирилл Яковлевич (2020), orcid.org/0000-0001-9400-4587, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия), kjseagal@yandex.ru.

Рассматривается вопрос о роли установки как объяснительного инструмента в синтаксисе художественной речи. Актуальность исследования обусловлена следующим: в теории художественной речи отсутствует общепринятое представление о том, каким образом синтаксическая форма приобретает эстетическую значимость. Новизна исследования видится в том, что идея установки, которую по-разному трактуют в теории художественной речи, получает новый импульс развития на основе концепции Д. Н. Узнадзе. Через призму установки выполнен анализ реализаций синтаксической формы последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций в сатирической пьесе-миниаютуре В. Ардова «Вот что наделали справки твои ...». Показано, что речевая система, в которую объединяются употребления этой синтаксической формы, образуется на основе их общего участия в воплощении сатирической установки, выдвигения на фоне других синтаксических единиц, включения в синтаксический эксперимент, отображающий динамику сатирической коллизии, выполнения композиционно-организующей, изобразительной и суггестивной функций. Отмечается, что при «подключении» сатирической установки к установке синтаксической формы последовательного подчинения в многочленных сложноподчиненных предложениях наблюдается ориентация как на конструктивный образец, так и — в особенности — на различные его нарушения.

Ключевые слова: установка; синтаксис; многочленное сложноподчиненное предложение; последовательное подчинение придаточных предикативных конструкций; художественная речь; сатира.

Посвящается светлой памяти В. Ардова и Д. Н. Узнадзе

1. Введение

Цель статьи — показать, что теория установки, созданная грузинским психологом Д. Н. Узнадзе (1886—1950), является действенным объясни-

тельным инструментом в синтаксисе художественной речи. Как представляется, только благодаря установке (согласно Д. Н. Узнадзе) становится возможным раскрыть специфику того или иного синтаксического явления в художественной речи, то есть объяснить, как из «материала искусства» оно превращается в «эстетически преобразованную форму искусства» [Виноградов, 1971, с. 4], в чем состоит актуальность предлагаемого подхода. Через призму установки рассматривается речевая система употребления многочисленных сложноподчиненных предложений с последовательным подчинением придаточных предикативных конструкций в сатирической пьесе-миниатюре В. Ардова (1900—1976) «Вот что наделали справки твои ...», созданной в 1953 году.

Необходимо подчеркнуть, что в теории художественной речи термин *установка* не только не является новым, но и имеет свою традицию применения. С одной стороны, под установкой понимают «реализованное намерение, проявляющееся в тексте художественного предмета и в актах его восприятия» [Гельгардт, 2011, с. 127], а с другой стороны — «направленность на сообщение как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого» [Якобсон, 1975, с. 202]. Очевидно, что различие между этими трактовками установки заключается в акцентировании либо субъективной, либо объективной стороны речевой деятельности художника слова. Имея в виду именно это различие, Ю. Н. Тынянов призывал «вычеркнуть телеологический, целевой оттенок, “намерение” из слова “установка”» [Тынянов, 2002, с. 200—201] и ограничивал установку конструктивным принципом жанра (например, оды).

Установка, по Д. Н. Узнадзе, представляет собой нечто иное: в ней акцентируется «единство субъективных и объективных моментов <...>, данное в актуальной готовности субъекта к определенной активности» [Рапишвили, 1973, с. 320]. Подобное интеракционное понимание установки, свойственное Д. Н. Узнадзе, весьма перспективно для теории художественной речи, так как в нем не допускается «разрыва» между языком (= знанием языка) и эстетически обусловленным отбором и употреблением языковых единиц.

Обращение к сатирической пьесе-миниатюре В. Ардова «Вот что наделали справки твои ...» вызвано несколькими причинами. Во-первых, В. Ардов был тончайшим писателем-стилистом, способным заставить читателя выделить и эстетически переживать ту или иную синтаксическую форму. Возможно, и этот аспект мастерства В. Ардова побудил Б. Л. Пастернака, прочитавшего одну из его книг, сказать: «Я думаю, вы могли бы в гораздо большей степени навязать себя эпохе ...» [Ардов, 2004, с. 28].

Во-вторых, для нужд сатирического изображения художники слова, в том числе В. Ардов, прибегают к так называемым заострениям, которые создаются обычно посредством повтора и / или преобразований языковых единиц. В. Ардов полагал, что творческая «себестоимость» таких заострений во многом зависит от объема сатирического произведения. Так, Я. Е. Эльсберг приводит устное наблюдение В. Ардова о том, что «применение резкого заострения в небольшом сатирическом <...> рассказе дается легче, чем в сатирическом романе» [Эльсберг, 1957, с. 386]. В сатирической пьесе-миниатюре «Вот что наделали справки твои ...» прием заострения строится путем выдвигания как слова (и его производных), так и синтаксической конструкции. В-третьих, В. Ардов делает структурной доминантой в композиционно-организующем, изобразительном и суггестивном планах довольно редкую для сатиры и, возможно, по этой причине почти не изученную с точки зрения своего сатирического потенциала синтаксическую форму — связь последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций, создающую один из типов многочленного сложноподчиненного предложения.

Важно отметить, что подход к объяснению эстетически значимого употребления этой синтаксической формы с точки зрения установки стал возможным благодаря тому, что в ряде исследований последней четверти XX века [Калашникова, 1979; Уханов, 1981] было показано, что семантика многочленных сложноподчиненных предложений не ограничена теми смысловыми отношениями, которые выражаются в их компонентах — сложноподчиненных предложениях минимальной структуры, и что способы синтаксической связи в многочленных сложноподчиненных предложениях, в частности последовательное подчинение придаточных предикативных конструкций, имеют природу языкового знака.

2. Учение Д. Н. Узнадзе об установке: от психологии к лингвистике

Теория установки создавалась Д. Н. Узнадзе как общепсихологическая. Согласно его концепции, установка представляет собой «целостную направленность» субъекта «в определенную сторону на определенную активность» [Узнадзе, 2001, с. 25]. Установка не является чем-то субъективным, наоборот, ею опосредуется связь потребности субъекта со средствами и условиями ее удовлетворения, то есть с объективными обстоятельствами деятельности [Там же, с. 33, 405]. По мнению ученого, установка относится к сфере бессознательного, в ней содержится не только побуждение к деятельности, но и образ ее результата. Поэтому благодаря установке обеспечивается «как бы автоматичность протекания и все же упорядочен-

ная целесообразность» деятельности [Там же, с. 330]. «... Для того, чтобы сознание начало работать в каком-нибудь определенном направлении, — подчеркивал Д. Н. Узнадзе, — предварительно необходимо, чтобы была налицо активность установки, которая, собственно, в каждом отдельном случае и определяет это направление» [Там же, с. 63]. Возникшая установка сохраняется субъектом и при необходимых условиях может получить активацию [Там же, с. 65].

Д. Н. Узнадзе считал, что без идеи установки невозможно постичь природу языка и речи. Согласно его теории, «установка, выполняющая столь большую роль в речи, должна быть отчетливо запечатлена и в языковом материале» [Там же, с. 414]. По мысли исследователя, усвоение языка приводит к возникновению фиксированных установок, в которых запечатлевается воздействие слов и форм языка и на основе которых осуществляется «управление» их употреблением в речи [Там же, с. 401]. В речевом общении посредством установки, согласно Д. Н. Узнадзе, связаны слово и то «психическое содержание», которое «переживается» как его значение [Там же, с. 403—406].

Осуществляя трансфер общепсихологической теории установки в лингвистику, Д. Н. Узнадзе сосредоточился на уровне слова и представил установку в качестве того регулятивного начала, которое создает слово как языковой знак. Ученым была высказана мысль о том, что в словотворчестве (и, по-видимому, в употреблении слова) некая идея, востребованная в коммуникации, «начинает воздействовать на субъекта и вызывает в нем определенную установку» — «единый источник интеллектуального содержания этой идеи и ее звуко-моторного выражения» [Там же, с. 398]. Хотя в связи с понятием установки Д. Н. Узнадзе не обращался к анализу синтаксических явлений, скорее всего, рассуждая о слове, ученый обнаружил единую основу образования и употребления языковых знаков на основе установки.

При объяснении синтаксических фактов художественной речи посредством понятия установки акцентируем внимание на одном как будто противоречивом моменте. Считается, что эстетическая функция предполагает сознательное отношение к отбору и употреблению синтаксических единиц со стороны художника слова [Будагов, 1988, с. 36]. Д. Н. Узнадзе, напротив, подчеркивал отнесенность установки к сфере бессознательного. Однако применительно к функционированию синтаксиса это противоречие является мнимым. Как отмечал видный представитель психологического языкознания Д. Н. Овсяннико-Куликовский, «работа синтаксического упорядочения слов, совершающаяся в бессознательной сфере, надо думать, не

проникает в глубь ее», «можно и произвольно, нарочито направить внимание на эту — синтаксическую — работу мысли и держать в светлой точке сознания не только содержание фразы, но и ее синтаксические формы, способы употребления и сочетания слов в ней» [Овсяннико-Куликовский, 1912, с. 7].

Еще в большей мере осознанию, тем более в речевой деятельности художника слова, поддаются сложные синтаксические структуры (в частности, многочленные сложноподчиненные предложения с последовательным подчинением придаточных предикативных конструкций), в которых стилистическое внимание фиксируется как на их конструктивном принципе, так и на возможных отступлениях от него. Однако такое осознание происходит обычно *post factum*, когда художник слова совершенствует написанное или пусть на мгновение, но останавливает речетворческий акт, предаваясь рефлексии над той или иной синтаксической формой. В самом общем виде эстетические задачи, которые могли бы быть решены с помощью синтаксиса, являются достоянием сознания художника слова, но способ их синтаксического решения может оказаться недостаточно отрефлектированным, так как знание языка и речевой опыт во многом «предопределяют программу оперирования языковыми знаками» [Гельгардт, 2011, с. 129], в том числе синтаксическими.

Интересно, что, размышляя о наблюдаемом лингвистами взаимодействии сознательного и бессознательного в речи, Р. Якобсон отмечал: «Можно высказать надежду, что понятие установки, ныне развиваемое грузинской психологической школой, позволит уточнить факт постоянного соучастия двояких компонентов в любой речевой деятельности» [Якобсон, 1996, с. 24].

Согласно Д. Н. Узнадзе, в художественной речи установка вызывает «борьбу за адекватное воплощение» [Узнадзе, 2001, с. 288], приводящую к употреблению единственно возможного слова или синтаксического построения.

3. Синтаксическая форма в художественной речи и проблема установки

Вслед за Е. Н. Ширяевым под синтаксической формой понимается единство смыслового отношения и средств его выражения в той или иной синтаксической единице [Ширяев, 1986, с. 5]. Говоря о синтаксической форме сложноподчиненных предложений, обычно ограничиваются их минимальными структурами, состоящими из двух предикативных конструкций [Там же, с. 6]. Когда лингвисты отстаивают «текстовую приро-

ду» многочленных сложных предложений [Волохина и др., 2003, с. 12], то они косвенно признают отсутствие в них особых синтаксических форм. В то же время согласиться с тем, что эти сложные предложения, в частности многочленные сложноподчиненные предложения с последовательным подчинением придаточных предикативных конструкций, не имеют синтаксических форм, равносильно тому, чтобы отказать им в способности отображать некий фрагмент действительности с его взаимосвязями, установленными и «упакованными» определенным образом в человеческой когниции.

Можно утверждать, что последовательное подчинение придаточных предикативных конструкций представляет особую синтаксическую форму в многочленном сложноподчиненном предложении. «Инклюзивно-иерархические» смысловые отношения [Уханов, 1981, с. 58], или «очень обобщенное значение уточнения <...> признаков вглубь» [Калашникова, 1979, с. 12], при последовательном подчинении имеют свои средства выражения. Во-первых, «все конструкции с последовательным подчинением бинарны и имеют два организующих центра: абсолютно главное предложение, формирующее главную часть основного членения, и придаточное первой степени — конструктивный центр сложной придаточной части. Придаточное первой степени придает организуемой им придаточной части единое функционально-синтаксическое и категориальное значение» [Уханов, 1981, с. 57]. Во-вторых, наличие в предикативной конструкции «элементов, как-то повторяющих содержание предшествующего ей линейно придаточного, ведет к конструированию предложения с последовательным подчинением придаточных» [Гаврилова, 1979, с. 131]. По-видимому, в основу этой синтаксической формы положена установка на конкретизирующее описание признака путем указания на другие признаки, последовательно уточняющие его и друг друга.

В художественной речи синтаксическая форма, сохраняя свою установку, может «подключаться» к воплощению эстетических установок писателя, проявляющихся в композиционно-организующей, изобразительной и суггестивной функциях синтаксической формы. Актуализируя содержательные синтаксических отношений, эстетические установки приводят к тому, что синтаксическая форма приобретает символическое значение. По замечанию А. П. Журавлева, «синтаксический символизм четко не осознается носителями языка и носит подсознательный характер. Этот аспект семантики не играет самостоятельной роли в языке, он несет лишь дополнительную, в основном эмоционально окрашенную информацию» [Журавлев, 1987, с. 56]. «Подключение» эстетической установки в худо-

жественной речи осуществляется либо путем реализации конструктивного потенциала синтаксической формы, либо в результате отступления от ее конструктивного образца.

Вне идеи установки синтаксическую организацию художественной речи можно представить следующим образом: писатель обращается к той или иной синтаксической форме и употребляет ее так, чтобы осуществить свой замысел. На основе идеи установки этот процесс объясняется иначе: в речетворстве писателя происходит взаимодействие установок синтаксической формы и эстетической задачи, причем специфика такого взаимодействия установок — а именно их согласование либо рассогласование — определяет конкретное употребление синтаксической формы.

4. Сатира и синтаксис

Сатирическая установка относится к тем эстетическим установкам, которые обладают выработанными в литературно-художественной традиции разнообразными формами речевой объективации, в том числе синтаксическими. «Сатира, — писал М. М. Бахтин, — есть образное отрицание современной действительности в различных ее моментах ...» [Бахтин, 1997, с. 15]. Ю. Боров выделяет такие черты сатирического мышления, как «охват существенных общественных явлений и выражение отношения к ним, а также спрессовывание, концентрирование жизненного материала на минимальной художественной площади»; «деформация образа, способствующая выявлению наиболее существенных пороков, жизненных явлений, достойных сатирического осмеяния»; «единство гармонии и дисгармонии», состоящее в том, что «плавное развитие сатирического образа всегда вдруг перебивается срывом»; сочетание «закономерностей как трагедийной, так и комедийной структуры»; необязательность смеха [Боров, 1970, с. 85—177]. Известный специалист в области лингвистической теории сатиры П. Симпсон утверждает, что сатира создается посредством эхоического обращения к иному дискурсу и стилистического искажения (*distortion*) в собственной композиции [Simpson et al., 2017, с. 162].

Безусловно, в сатире может быть использована практически любая синтаксическая единица, хотя далеко не каждая синтаксическая единица способна включиться в воплощение сатирической установки. Последовательное подчинение придаточных предикативных конструкций представляет собой такую синтаксическую форму связи, которая имеет конструктивные основания для участия в создании сатирического заострения. Так, например, последовательное подчинение обладает значительными «глубинногенными свойствами» [Уханов, 1981, с. 60], то есть возможно развертывание

сложноподчиненного предложения вглубь без синтаксических ограничений (если не считать сужения круга смысловых отношений и однотипности союзов). Это свойство позволяет в сатире подчеркнуть референтную «непрозрачность» признака, ради конкретизации которого осуществляется последовательное подчинение придаточных предикативных конструкций, и / или абсурдность всей смысловой цепочки. Сатирического эффекта путанности речи можно достичь путем нарушения плавности перехода от одной и той же в структурно-семантическом плане придаточной предикативной конструкции к другой, возникающего из-за разрыва в смысловой цепочке или из-за сбоя в ориентации дейктических элементов. Кроме того, употребление почти не встречающихся в разговорной речи многочленных сложноподчиненных предложений с последовательным подчинением придаточных предикативных конструкций, одинаковых по синтаксической семантике и по союзному маркеру, позволяет создать сатирическую имитацию речи бюрократов, привыкших к свойственным канцелярско-чиновничьему обиходу громоздким синтаксическим построениям.

При этом для сатирической установки синтаксическая форма существенна не столько сама по себе, сколько в аспекте ее включения в развитие сатирического образа, когда эта синтаксическая форма представлена рядом употреблений, чем-либо отличающихся друг от друга. Поэтому «средства сатирического усиления и сгущения красок», в том числе синтаксические, «необходимо рассматривать не изолированно, а в неразрывной связи со всем ходом сатирической мысли» [Эльсберг, 1957, с. 370].

5. Анализ сатирической пьесы-миниатюры В. Ардова «Вот что наделали справки твои ...»: речевая система употребления последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций через призму установки

В сатирической пьесе-миниатюре В. Ардова «Вот что наделали справки твои ...» (в авторской метапоэтической трактовке — «трагикомедии» [Лыжов, 2013, с. 111]) высмеивается такое проявление бюрократического засилья, как необходимость иметь справку для осуществления почти любого действия в социальной жизни. Сатирическое мышление В. Ардова заостряет эту негативную социальную практику в сюжетной идее, согласно которой для получения одной справки требуется принести другую справку, а ее выдачу нужно обосновать третьей справкой и т. д. В созданной В. Ардовым сатирической пьесе-миниатюре, состоящей из пяти картин, показано, как два бюрократа (заведующая и управдомами), требующие от жильца справку за справкой, пытаются его же сначала обвинить в хулиган-

стве, потом — объявить сумасшедшим, однако врач, разобравшись в происходящем, ставит не жильцу, а его мучителям диагноз «приступ острого бюрократизма, осложненного волокитой» и просит санитаров «изолировать» их [Ардов, 2007, с. 173].

В. Ардов строит речевую структуру пьесы-миниатюры путем повышенной концентрации лексических обозначений предмета сатирической коллизии: 63 раза он употребляет имя существительное *справка* (в том числе в сильной позиции текста — в заголовке) и 4 раза — его производные с уменьшительно-оценочными (*справочка, справчаточка*) и увеличительно-оценочным (*справища*) суффиксами. Показательно, что в своей просьбе, обращенной к управдомами (в 1-й картине), жилец использует производное имя существительное *справочка*, посредством чего демонстрируется невольная эмпатия к предмету просьбы. В 5-й картине жилец, доведенный почти до помешательства, бормочет себе под нос: *Справки мне нужны, разные ... справочки, справчаточки, справищи, хе-хе-хе ...* [Там же, с. 172]. Безусловно, насыщая небольшой текст, уместившийся на неполных пяти страницах, 67 однокоренными словами, В. Ардов, с одной стороны, отмечает ключевой концепт пьесы-миниатюры, а с другой стороны, обеспечивает прием сатирического заострения.

Однако, способствуя выдвигению слова и актуализации стоящего за ним концепта, корневой повтор сам по себе не может выразить характера отношений, в которые включены предметы, обозначенные одним и тем же словом. Для этого требуется синтаксическая конструкция, призванная выражать то или иное смысловое отношение. Сюжетная идея, состоящая в том, что получение одной справки ставится в зависимость от получения другой, а получение другой — от получения третьей и т. д., побудила В. Ардова осмыслить отношения между этими событиями и, главное, предметами как «инклюзивно-иерархические» [Уханов, 1981, с. 58] и использовать для их выражения такую синтаксическую конструкцию, как многочленное сложноподчиненное предложение с последовательным подчинением придаточных предикативных конструкций. В сатирической пьесе-миниатюре В. Ардова выстроена особая речевая система таких синтаксических конструкций, в своей целостности создающая эффект сатирического заострения и реализующая сатирическую установку на собственно синтаксической основе. Перейдем к анализу каждого из звеньев речевой системы, представляющих синтаксическую доминанту в речевой структуре сатирической пьесы-миниатюры В. Ардова.

В 1-й картине, придя в домоуправление, жилец, которому отказали в выдаче книги, облакает свою просьбу в форму сложноподчиненно-

го предложения минимальной структуры: *Мне бы надо справочку о том, что я проживаю у вас в доме*, но управдомами, выражая свое требование, прибегает к многочленному сложноподчиненному предложению: *Ну тогда пусть они вам дадут справку, что вам нужна справка о том, где вы живете* [Ардов, 2007, с. 169]. Изъяснительная придаточная предикативная конструкция относится либо непосредственно к имени существительному (*справку*), конкретное содержание которого она раскрывает, либо к указательному слову главной части (*о том*). Опускание указательного слова, характерное для разговорной речи, вносит атрибутивный оттенок в семантику придаточной части. Надо отметить, что по своему структурно-речевому воплощению многочленное сложноподчиненное предложение, вложенное в уста управдомами, нисколько не затрудняет смыслового восприятия: связь последовательного подчинения представлена в своей элементарной реализации (имеются придаточные двух степеней), использованы разные по составу контактные рамки (с указательным словом и без него), соблюдается дейктическая ориентация на 2-е лицо (*вам — вам — вы*), референтная отнесенность слова *справка*, уточняемого цепочкой придаточных, устанавливается без труда.

Во 2-й картине жилец просит у заведующей справку для домоуправления, но слышит очередное указание: *Принесите только от них справку, что вам нужна справка, что нам нужна справка о том, где вы живете* [Там же, с. 170]. Это многочленное сложноподчиненное предложение, в котором посредством последовательного подчинения связаны три придаточные предикативные конструкции. Дейктическая ориентация на 3-е, 2-е, 1-е и опять на 2-е лицо (*от них — вам — нам — вы*) препятствует мгновенному смысловому восприятию высказывания, в частности выяснению референтной отнесенности слова *справка* из главной части. Жилец не понимает сказанного и переспрашивает, заведующая повторяет свое указание и на этот раз добивается понимания.

В 3-й картине жилец снова появляется в домоуправлении и в ответ на недоумение местного начальника сначала цитирует заведующую, а затем выражает мысль по-своему: *Э нет, теперь я хлопочу о другой справке: справке, что вам нужна справка, что им нужна справка, что мне нужна справка, что им нужна справка, что нам нужна справка ...* [Там же, с. 170—171], но запутывается. Та же участь постигает управдомами, который пытается помочь «косноязычному» жильцу. В высказывании жильца последовательное подчинение охватывает пять придаточных предикативных конструкций, причем однообразное оформление контактной рамки (*справка, что*), лексический повтор подлежащего и сказуемого при их ин-

версии в придаточных частях (*нужна справка*), нечеткость дейктической ориентации (*вам — им — мне — им — нам*) мешают понять, какая же именно справка требуется, то есть акт референции затруднен. Вовсе не случайно жилец подчеркивает, что теперь ему нужна «другая справка».

В 4-й картине жилец опять объясняется с заведующей, в кабинете которой присутствует милиционер, вызванный для того, чтобы привлечь к ответственности «хулигана», по определению заведующей. Повторяя свою просьбу, жилец строит многочленное сложноподчиненное предложение с пятью придаточными предикативными конструкциями, как и в 3-й картине: ... *мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка, что мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка* ... [Там же, с. 171]. По сравнению с высказыванием из 3-й картины здесь изменен порядок личных местоимений, формирующих дейктическую ориентацию (*вам — им — мне — вам — им*). Это свидетельствует о том, что говорящий устал, запутался и потерял надежду точно обозначить, что за справка ему нужна, и, безусловно, о том, что референтная отнесенность слова *справка*, для выяснения конкретного содержания которого понадобилась цепочка из пяти придаточных, потеряна окончательно.

В 5-й картине жилец возвращается в домоуправление. Как указано в авторской ремарке: *он, видимо, помешался: смеется, ловит свой палец, держается и т. д.* [Там же, с. 172]. Речь жильца выглядит путаной, лишенной смысловой связности. Ср: *Сперва я хочу справку, что мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка, что всем нужна справка, что справка есть справка, что все где-то проживают и справки наживают* ... [Там же, с. 172]. В этом многочленном сложноподчиненном предложении нет семантически обоснованной связи последовательного подчинения, так как, начиная с четвертой придаточной предикативной конструкции, отсутствуют условия для такого развертывания смысловой цепочки придаточных, которое может привести к образованию единой придаточной части. Разрушению синтаксической формы последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций в речи жильца способствует то, что в позициях придаточных оказались общие сентенции: с заменой личного местоимения на кванторное (*всем нужна справка*), с тавтологией (*справка есть справка*), с элементами сказочного интертекста (*все где-то проживают и справки наживают*), — не позволяющие продолжить «уточнение вглубь» [Калашникова, 1979, с. 12] признаков слова *справка* из главной части. Подобный частичный асинтаксизм в речи жильца, «поразивший» только организацию многочленного сложноподчиненного предложения, показывает, до какого состояния может довести простого человека бумажная волокита.

В построении речевой системы употребления последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций В. Ардов демонстрирует, что «приемом искусства является прием затруднения восприятия, выведение его из привычного автоматизма» [Выготский, 1986, с. 251]. В. Ардов как бы испытывает на прочность конструкцию многочленного сложноподчиненного предложения с последовательным подчинением, вводя однообразные по синтаксической модели и по лексическому составу придаточные, усложняя ориентацию дейктических элементов, наконец, нарушая «портативность структуры» [Гаврилова, 1979, с. 214] посредством разрыва смыслового единства в комплексной придаточной части. Этот своеобразный синтаксический эксперимент — от образования многочленного сложноподчиненного предложения с последовательным подчинением в 1-й картине до его разрушения в 5-й картине — понадобился В. Ардову для того, чтобы путем фокусировки внимания читателя (или зрителя) на одном речевом «штрихе» показать развитие сатирической мысли.

Многочленные сложноподчиненные предложения с последовательным подчинением, образующие эту речевую систему, выполняют целый ряд функций: композиционно-организующую (обеспечивают единство и динамику сатирической коллизии), изобразительную (создают наглядный образ усилий, которые необходимо предпринять для получения очередной справки), суггестивную (внушают отвращение к бюрократизму и сочувствие к тому, кто оказался жертвой бумажной волокиты). Отметим, что изобразительная функция в «чистом» виде выполняется только в 1-й картине, затем — со 2-й по 4-ю картину — она «сплавлена» с суггестивной функцией, но постепенно ослабляет свою активность, в 5-й же картине изобразительная функция полностью вытесняется суггестивной. В. Ардов запечатлевает подобное разрешение противоборства изобразительной и суггестивной функций в заголовке пьесы-миниатюры — «Вот что наделали справки твои ...» (с медитативной паузой, обозначенной многоточием), который обладает суггестивной направленностью. Это смягченно-осуждающее выражение принадлежит автору, поскольку в речевой партии ни одного действующего лица такой реплики нет.

Представляется, что создание речевой системы употребления последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций под пером В. Ардова-сатирика обеспечено, с одной стороны, фиксированной установкой, возникшей при усвоении многочленных сложноподчиненных предложений с последовательным подчинением, и стилистическим вниманием к конструктивным свойствам этой синтаксической единицы, а с другой стороны, различным характером взаимодействия сатирической

установки с установкой синтаксической формы последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций. На это указывает то, что художник слова, по сути дела, предчувствовал ту синтаксическую форму, благодаря разнообразным реализациям которой он получит возможность воплотить свою сюжетную идею путем ее сатирического заострения. По утверждению Д. Н. Узнадзе, «язык является независимой сферой благодаря установке, но посредством этой же установки он существенно связан с субъектом» [Узнадзе, 2001, с. 414]. Как показывают наблюдения над последовательным подчинением придаточных предикативных конструкций в сатирической пьесе-миниатюре В. Ардова «Вот что наделали справки твои...», в художественной речи установка синтаксической формы, представленной целой системой речевых реализаций, обогащается за счет эстетических установок, что способствует эмоциональной сигнификации конкретных реализаций синтаксической формы.

6. Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что теория установки, созданная Д. Н. Узнадзе, выступает как нетривиальный объяснительный инструмент в синтаксисе художественной речи. На основе установки удается объяснить то, как синтаксическая форма, взятая из обычной речи, становится эстетически значимой благодаря речетворчеству художника слова.

Анализ через призму установки употребления многочленных сложноподчиненных предложений с последовательным подчинением придаточных предикативных конструкций в сатирической пьесе-миниатюре В. Ардова «Вот что наделали справки твои...» дает основания для следующих выводов:

1. Последовательное подчинение придаточных предикативных конструкций — особая синтаксическая форма в многочленном сложноподчиненном предложении. Целостность этой синтаксической формы обусловлена установкой на конкретизирующее описание признака посредством указания на другие признаки, последовательно уточняющие его и друг друга.

2. Установка синтаксической формы последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций способна «подключаться» к воплощению сатирической установки художника слова, в частности к созданию сатирического заострения. При этом в сатире востребован ряд употреблений этой синтаксической формы, чем-либо отличающихся друг от друга и отражающих развитие сатирической мысли, то есть их речевая система.

3. Речевая система употребления последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций организуется на разных основаниях: а) общего участия этих синтаксических конструкций в воплощении сатирической установки; б) выдвижения (или доминирования) на фоне других синтаксических единиц; в) включения в синтаксический эксперимент, отображающий динамику сатирической коллизии, ее этапность; г) выполнения композиционно-организующей, изобразительной и суггестивной функций.

4. При взаимодействии сатирической установки с установкой синтаксической формы последовательного подчинения в многочленном сложно-подчиненном предложении наблюдается как их согласование, так и рассогласование. В зависимости от этого при реализации синтаксической формы намеренно следуют ее конструктивным свойствам либо допускают отклонения от них. Тем не менее в синтаксисе сатиры, в том числе в употреблении последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций, преобладает рассогласование установок и, соответственно, тенденция к различным нарушениям конструктивного образца.

Можно предположить, что применение идеи установки (согласно Д. Н. Узнадзе) в теории художественной речи окажется полезным для объяснения эстетически обусловленного отбора и употребления более широкого круга синтаксических единиц.

Источники

1. Ардов В. Вот что наделали справки твои ... / В. Ардов // «Крокодил» всех времен и народов. Антология сатиры и юмора России XX века. — Москва : Эксмо, 2007. — Т. 49. — С. 169—173.
2. Ардов М. Монография о графомане / М. Ардов. — Москва : Захаров, 2004. — 528 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Сатира / М. М. Бахтин // Собрание сочинений в 7 тт. Т. 5. Работы 1940-х. — начала 1960-х гг. — Москва : Русские словари, 1997. — С. 11—38.
2. Боров Ю. Комическое / Ю. Боров. — Москва : Искусство, 1970. — 269 с.
3. Будагов Р. А. Как мы говорим и пишем / Р. А. Будагов. — Москва : МГУ, 1988. — 79 с.
4. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1971. — 239 с.
5. Волохина Г. А. Многокомпонентные сложные предложения как микротекст / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. — Воронеж : Истоки, 2003. — 199 с.
6. Выготский Л. С. Психология искусства. 3-е изд. / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 573 с.

7. Гаврилова Г. Ф. Усложненное сложное предложение в русском языке / Г. Ф. Гаврилова. — Ростов-на-Дону : РГУ, 1979. — 232 с.
8. Гельгардт Р. Р. Исследование стиля художественной речи : Теоретические основы / Р. Р. Гельгардт. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2011. — 232 с.
9. Журавлев А. П. Содержательность синтаксической формы (синтаксический символизм) / А. П. Журавлев // Вопросы языкознания. — 1987. — № 3. — С. 46—57.
10. Калашникова Г. Ф. Многокомпонентные сложные предложения в современном русском языке / Г. Ф. Калашникова. — Харьков : Вища школа, 1979. — 160 с.
11. Лыжов А. М. Идеино-художественное своеобразие «маленьких комедий» В. Е. Ардова / А. М. Лыжов // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер. Літературознавство. — 2013. — № 1. — С. 110—116.
12. Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. 2-е изд. / Д. Н. Овсянико-Куликовский. — Санкт-Петербург : Изд. И. Л. Овсянико-Куликовской, 1912. — 322 с.
13. Рамишвили Д. И. К понятию субъекта и объекта в психологии Д. Н. Узнадзе / Д. И. Рамишвили // Психологические исследования. К 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе. — Тбилиси : Мецниереба, 1973. — С. 316—326.
14. Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция : Избранные труды / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Аграф, 2002. — 496 с.
15. Узнадзе Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 416 с.
16. Уханов Г. П. Сложные полипредикативные (многокомпонентные) предложения / Г. П. Уханов. — Калинин : КГУ, 1981. — 88 с.
17. Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е. Н. Ширяев. — Москва : Наука, 1986. — 223 с.
18. Эльсберг Я. Е. Вопросы теории сатиры / Я. Е. Эльсберг. — Москва : Советский писатель, 1957. — 427 с.
19. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм : «за» и «против». Сборник статей. — Москва : Прогресс, 1975. — С. 193—230.
20. Якобсон Р. Язык и бессознательное / Р. Якобсон. — Москва : Гнозис, 1996. — 248 с.
21. Simpson P. Humor and stylistics / P. Simpson, D. Bousfield // The Routledge handbook of language and humor / Ed. by S. Attardo. — New York : Routledge, 2017. — Pp. 158—173.

THE ROLE OF THE ATTITUDE IN THE SYNTAX OF ARTISTIC SPEECH (BASED ON THE MATERIAL OF THE SATIRICAL MINIATURE PLAY BY V. ARDOV “THIS IS WHAT YOUR REFERENCES DID ...»)

© Kirill Ya. Seagal (2020), orcid.org/0000-0001-9400-4587, Doctor of Philology, Chief Researcher, Head of the Department of Experimental Speech Research, Federal State Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), kjseagal@yandex.ru.

The question of the role of the attitude as an explanatory tool in the syntax of belles-lettres is considered. The relevance of the study is due to the following: in the theory of belles-lettres, there is no generally accepted idea of how the syntactic form acquires aesthetic significance. The novelty of the study is seen in the fact that the idea of the attitude, which is interpreted differently in the theory of belles-lettres, receives a new impulse for development based on the concept of D. N. Uznadze. Through the prism of the attitude, an analysis of the realizations of the syntactic form of sequential subordination of subordinate predicative constructions in the satirical play-miniature of V. Ardov "This is what your references did ..." has been performed. It is shown that the speech system, in which the uses of this syntactic form are combined, is formed on the basis of their common participation in the embodiment of a satirical attitude, putting them on the background of other syntactic units, inclusion in a syntactic experiment that reflects the dynamics of a satirical collision, performing compositional organizing, visual and suggestive functions. It is noted that when the satirical unit is "connected" to the attitude of the syntactic form of sequential submission in polynomial complex sentences, there is an orientation both to the constructive model and, in particular, to its various violations.

Key words: attitude; syntax; polynomial compound sentence; sequential subordination of subordinate predicative constructions; belles-lettres; satire.

MATERIAL RESOURCES

- Ardov, M. (2004). *Monografiya o grafomane*. Moskva: Zakharov. (In Russ.).
- Ardov, V. (2007). *Vot chto nadelali spravki tvoi ...*. In: «Krokodil» *vsekh vremen i narodov. Antologiya satiry i yumora Rossii XX veka*, 49. Moskva: Eksmo. 169—173. (In Russ.).

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1997). Satira. In: *Sobraniye sochineniy v 7 tt., 5. Raboty 1940-kh. — nachala 1960-kh gg.* Moskva: Russkiye slovari. 11—38. (In Russ.).
- Borev, Yu. (1970). *Komicheskoye*. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).
- Budagov, R. A. (1988). *Kak my govorim i pishem*. Moskva: MGU. (In Russ.).
- Elsberg, Ya. E. (1957). *Voprosy teorii satiry*. Moskva: Sovetskiy pisatel'. (In Russ.).
- Gavrilova, G. F. (1979). *Uslozhnennoye slozhnoye predlozheniye v russkom yazyke*. Rostov-na-Donu: RGU. (In Russ.).
- Gelgardt, R. R. (2011). *Issledovaniye stilya khudozhestvennoy rechi: Teoreticheskiye osnovy*. Moskva: LIBROKOM. (In Russ.).
- Kalashnikova, G. F. (1979). *Mnogokomponentnyye slozhnyye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke*. Kharkov: Vishcha shkola. (In Russ.).
- Lyzhov, A. M. (2013). Ideyno-khudozhestvennoye svoyeobraziye «malenikikh komediy» V. E. Ardova. *Naukovi zapiski Kharkivskogo natsionalnogo pedagogichnogo universitetu im. G. S. Skovorodi. Ser. Literaturoznavstvo*, 1: 110—116. (In Russ.).
- Ovsyaniko-Kulikovskiy, D. N. (1912). *Sintaksis russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Izd. I. L. Ovsyaniko-Kulikovskoy. (In Russ.).
- Ramishvili, D. I. (1973). K ponyatiyu subyektu i obyektu v psikhologii D. N. Uznadze. In: *Psikhologicheskkiye issledovaniya. K 85-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Uznadze*. Tbilisi: Metsniereba. 316—326. (In Russ.).
- Shiryayev, E. N. (1986). *Bessoyuznoye slozhnoye predlozheniye v sovremennom russkom yazyke*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

- Simpson, P., Bousfield, D. (2017). Humor and stylistics. In: Attardo, S. (ed.) *The Routledge handbook of language and humor*. New York: Routledge. 158—173.
- Tynyanov, Yu. N. (2002). *Literaturnaya evolyutsiya: Izbrannyye trudy*. Moskva: Agraf. (In Russ.).
- Ukhanov, G. P. (1981). *Slozhnyye polipredikativnyye (mnogokomponentnye) predlozheniya*. Kalinin: KGU. (In Russ.).
- Uznadze, D. N. (2001). *Psikhologiya ustanovki*. Sankt-Peterburg: Piter. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1971). *O teorii khudozhestvennoy rechi*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Volokhina, G. A., Popova, Z. D. (2003). *Mnogokomponentnyye slozhnyye predlozheniya kak mikrotekst*. Voronezh: Istoki. (In Russ.).
- Vygotskiy, L. S. (1986). *Psikhologiya iskusstva*. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).
- Yakobson, R. (1975). Lingvistika i poetika. In: *Strukturalizm: «za» i «protiv»*. *Sbornik statey*. Moskva: Progress. 193—230. (In Russ.).
- Yakobson, R. (1996). *Yazyk i bessoznatelnoye*. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
- Zhuravlev, A. P. (1987). Soderzhatel'nost' sintaksicheskoy formy (sintaksicheskii simbolizm). *Voprosy yazykoznanija*, 3: 46—57. (In Russ.).